

ОБЪЯСНЯЯ
РЕЛИГИЮ

ПРИРОДА
РЕЛИГИОЗНОГО
МЫШЛЕНИЯ

ET L'HOMME
CREA LES DIEUX

COMMENT
EXPLIQUER
LA RELIGION

PASCAL BOYER

Gallimard

ОБЪЯСНЯЯ РЕЛИГИЮ

ПРИРОДА
РЕЛИГИОЗНОГО
МЫШЛЕНИЯ

ПАСКАЛЬ БУАЙЕ

Перевод с французского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2017

УДК 2-1
ББК 87.153.38
Б90

Переводчик Мария Десятова
Научный редактор Илья Захаров
Редактор Наталья Нарциссова

Буаие П.

Б90 Объясняя религию: Природа религиозного мышления / Паскаль Буаие ; Пер. с фр. — М. : Альпина нон-фикшн, 2017. — 496 с.

ISBN 978-5-91671-632-0

Откуда берется стремление верить в высшие силы? Как возникают религиозные представления, и отчего вера продолжает играть столь важную роль в жизни человека XXI века? Книга французского антрополога Паскаля Буаие описывает феномен религии с позиций эволюционной психологии. Подоплеку верований и религиозных обрядов ученый находит в принципах работы человеческого сознания. Одну за другой он опровергает распространенные «теории» происхождения религии — она возникла, чтобы объяснять непонятные природные явления и личные переживания, она утешает, она обеспечивает общественный порядок — и раскрывает перед читателем удивительные особенности устройства нашего разума.

УДК 2-1
ББК 87.153.38

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу nylib@alpina.ru

ISBN 978-5-91671-632-0 (рус.)
ISBN 978-2-07-042695-9 (фр.)

© Editions Robert Laffont, Paris, 2001
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2016

Просветительский фонд «Эволюция»

основан в 2015 году сообществом
российских просветителей.

Цель фонда — популяризация научного
мировоззрения, продвижение здравого смысла
и гуманистических ценностей,
развитие науки и образования.

Одно из направлений работы фонда —
поддержка издания научно-популярных книг.
Каждая книга, выпущенная при содействии
фонда «Эволюция», тщательно
отбирается серьезными учеными.

Критерии отбора — научность содержания,
увлекательность формы
и значимость для общества.

Фонд сопровождает весь процесс создания
книги — от выбора до выхода из печати.
Поэтому каждое издание библиотеки фонда —
праздник для любителей
научно-популярной литературы.

Больше о работе просветительского
фонда «Эволюция»
можно узнать по адресу
www.evolutionfund.ru

СОДЕРЖАНИЕ

[1] В ПОИСКАХ ИСТОКОВ	9
[2] КАК ВЫГЛЯДЯТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОМ	75
[3] КАКОЙ РАЗУМ ДЛЯ ЭТОГО НУЖЕН	129
[4] ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ БОГИ И ДУХИ	187
[5] ПОЧЕМУ БОГИ И ДУХИ ТАК ВАЖНЫ	229
[6] ПОЧЕМУ РЕЛИГИЯ ВЕДАЕТ ВОПРОСАМИ СМЕРТИ	275
[7] ПОЧЕМУ ВОЗНИКЛИ ОБРЯДЫ	309

[8]	
ОТКУДА БЕРУТСЯ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДОКТРИНЫ, ОТЧУЖДЕНИЕ И НАСИЛИЕ	355
[9]	
ПОЧЕМУ ЛЮДИ ВЕРЯТ	397
Дополнительная литература	443
Благодарности	449
Примечания	451
Библиография	463
Предметно-именной указатель	487

1

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ

Сосед по деревне советует мне носить оберег от колдунов, ведь они мечут невидимые дротики, которые проникают в вены и отравляют кровь.

Шаман поджигает табачные листья перед выстроенными в ряд статуэтками и обращается к ним с речью: им предстоит отправиться в далекое небесное селение и вызволить чей-то рассудок, который удерживают там невидимые духи.

Группа верующих обходит округу с предупреждениями, что конец света близок — Судный день грядет 2 октября. Но наступает 3 октября — и ничего. Однако верующие по-прежнему предупреждают (только дата меняется).

В ходе специально устроенной церемонии местные жители сообщают богине, что в их деревне ей больше нет места. Она не сумела защитить своих подопечных от эпидемии, поэтому они отрекаются от нее и будут искать более расторопного покровителя.

Собрание священнослужителей находит оскорбительным утверждение определенной категории людей о событиях многовековой давности, согласно которым непорочная дева в дальнем краю произвела на свет ребенка. Соответственно, эта категория людей подлежит истреблению.

Представители определенного культа на некоем острове решают забить весь свой скот и сжечь посевы. Все это им уже

ни к чему, ведь в награду за их благодеяния к острову вот-вот пристанет корабль с полными трюмами яств и золота.

Моим знакомым предлагается ходить в церковь или иное уединенное место и обращаться к незримому субъекту, одновременно присутствующему повсюду. Причем этот невидимый слушатель заранее знает, что ему скажут, ведь Он знает все.

Чтобы задобрить всемогущих усопших и заручиться их поддержкой в случае нужды, сообщают мне, необходимо полить кровью живой белой козы землю справа от определенного камня. Но, если взять кровь у козы другой масти или полить другой камень, ничего не получится.

[10]

Может быть, вы отмахнетесь от этих зарисовок как от очередных образчиков человеческой глупости. А может быть, сочтете приведенные примеры при всей их иллюстративности (и неисчерпаемости — не на один том хватит) свидетельством непревзойденной способности человека к познанию мира и вселенной. И в том и в другом случае останется много открытых вопросов. Откуда возникают у людей такие мысли? Что побуждает их к подобным поступкам? Чем обусловлены все эти непохожие друг на друга верования? Почему человек предан им так истово? Раньше эти вопросы относились — воспользуемся терминологией Ноама Хомского — к *тайнам* (мы даже не знали, как к ним подступиться), теперь же они переходят в категорию *проблем* — у нас появляется какое-то объяснение. Точнее, его фрагменты. Сразу оговорюсь, чтобы это «у нас» не прозвучало чересчур высокомерно и самонадеянно, оно действительно подразумевает коллективное мнение. Завуалированной попытки придать универсальное значение каким-то личным выкладкам здесь нет. Далее я буду ссылаться на открытия и теории из области когнитивной психологии, антропологии, лингвистики и эволюционной биологии. Все они сделаны и разработаны другими людьми, которые в большинстве своем исследованиями религии не занимались и даже не предполагали, что их труды помогут пролить свет на ее происхождение.

Именно поэтому, как бы ни ломались книжные полки от богословских сочинений и научных трудов по религии и ее истории, было бы нелишним добавить к ним еще одно свидетельство того, что из неразрешимой загадки она превращается в рядовую совокупность сложных, но поддающихся рассмотрению научных проблем.

ДАТЬ ОБИТАЛИЩЕ ВОЗДУШНОМУ НИЧТО

Подоплеку верований и религиозных обрядов мы будем искать в принципах работы человеческой психики. Психики всех людей, а не только верующих. Человеческой — потому что важны именно свойства, присущие всем представителям нашего биологического вида с нормально функционирующим мозгом. Открытия, на которые я буду ссылаться, универсальны для психики любого человека (мужчины, женщины, британца, бразильца, старого, молодого — неважно).

[11]

Казалось бы, довольно странная отправная точка, если мы собираемся разбираться в таком многоплановом предмете, как религия. У разных людей разные верования, кто-то религиозен, кто-то нет. Кроме того, верования различаются территориально. У японских буддистов в религиозном отношении мало общего с амазонскими шаманами или американскими южными баптистами. Как же объяснить многогранный феномен (религия) посредством универсалии (мозг)? Именно этому и посвящена моя книга. Многообразие религии не только не препятствует объяснению через универсальное, но и отчасти служит ключом к разгадке. Однако, чтобы понять, почему так происходит, нам нужно в точности представлять себе, как организовано восприятие и структурирование данных человеческим мозгом.

Устройство мозга довольно долго мыслилось людьми достаточно просто: участки, управляющие системами организма, и огромное пустое пространство, которое с детства постепенно заполняется знаниями, культурным и жизненным опытом. Этот

взгляд на вместилище разума не выдерживал никакой критики, поскольку даже печень и кишечник устроены куда сложнее. Но мы слишком слабо разбирались в процессах развития психики, поэтому нам нечего было противопоставить концепции «чистой доски», на которой оставляют отпечаток жизненные события. Психика напоминала огромные неисследованные территории Африканского континента, которые на старых картах зарисовывались пальмами и крокодилами. Теперь нам известно о ней гораздо больше. Не все, разумеется, но одно уже очевидно: чем больше мы узнаем о когнитивных процессах, тем менее правдоподобной кажется концепция «чистой доски». Каждое новое открытие в области когнитивистики отодвигает эту концепцию как рабочую гипотезу все дальше и дальше.

[12]

В частности, уже известно, что вовсе не любое «присущее культуре» убеждение сознание воспринимает с одинаковой готовностью. Мы не «впитываем из окружения», как утверждают некоторые. Это попросту невозможно, поскольку никакой мозг (ни таракана, ни жирафа, ни ваш, ни мой) не мог бы научиться чему бы то ни было, не обладая сложными мыслительными механизмами, настроенными вычленять из общего потока значимую информацию и особым образом ее обрабатывать. Наше сознание приобрело такую способность в ходе естественного отбора, обеспечившего нам определенную психическую predisposition. Готовность к восприятию определенных понятий предполагает также готовность к восприятию их вариаций. А это, кроме прочего, означает, как я еще продемонстрирую, что любой человек способен с легкостью воспринять и передать другим определенный набор религиозных представлений.

Значит ли это, что религия — нечто врожденное, генетически заложенное? Мне — и большинству интересующихся эволюцией человеческого разума — этот вопрос кажется бессмысленным, и тут важно пояснить почему. Представьте себе какие-нибудь другие общечеловеческие особенности: например, способность подхватить насморк или запоминать разные мелодии. Насморк возникает вследствие наличия у нас

респираторных органов, представляющих собой благоприятную среду для разного рода болезнетворных микроорганизмов, в том числе вызывающих простуду. Мелодии мы запоминаем благодаря наличию в мозге области, отвечающей за хранение сочетаний звуков и соответствующей им тональности и длительности. В наших генах ни простуда, ни мелодии не заложены. Там заложен самый сложный набор химических формул построения нормального организма с респираторными органами и сложными связями между областями мозга. Нормальные гены в нормальной среде дадут вам пару легких и сформированную слуховую кору, а вместе с ними — возможность подхватывать простуды и запоминать мелодии. При этом, если растить нас в стерильной, лишенной музыки атмосфере, мы не сможем делать ни того ни другого. Предрасположенность у нас останется, но она не сумеет реализоваться.

[13]

Наличие нормального человеческого мозга еще не означает наличия в психике религии. Оно означает лишь возможность к ней обратиться, а это совсем другое. Психологов и антропологов не зря так занимает именно возможность *усваивать и передавать* — в ходе естественного отбора у нас сформировался определенный тип сознания, способный усваивать лишь определенные религиозные понятия. При этом не все из них одинаково хороши. Те, которые усваиваются легко, мы наблюдаем по всему миру — собственно, именно поэтому они и наблюдаются по всему миру. «Воздушному ничто дает и обиталище, и имя» — сказано про поэзию, однако к сверхъестественным образам эти слова подходят еще больше. Но, как мы еще увидим, не всякое «воздушное ничто» находит обиталище в человеческом сознании.

Г И П О Т Е З Ы П Р О И С Х О Ж Д Е Н И Я

Откуда берутся религиозные убеждения? Почему мы встречаем их повсюду, в том числе и в далеком прошлом? Давайте для начала рассмотрим спонтанные, первыми приходящие на ум вер-

[14]

сии их происхождения. У каждого есть некое знание на этот счет. Психологи и антропологи, как и я, изучающие мыслительные процессы, в ходе которых формируются религиозные верования, на каждом шагу (издержки профессии, что поделаться) сталкиваются с носителями «исчерпывающего» ответа на этот вопрос. Эти носители зачастую охотно делятся своими озарениями, иногда подразумевая, что дальнейшее исследование вопроса если не бесполезно, то по меньшей мере не составляет большого труда. Когда вы говорите: «Я создаю эффективные в расчетном отношении клеточные автоматы на основе генетических алгоритмов» — собеседник сразу понимает, что дело это, по всей вероятности, непростое. Услышав же, что вы занимаетесь «объяснением происхождения религии», он, как правило, ничего сложного и трудоемкого здесь не видит. Большинство и так примерно представляет себе, почему существует религия, что она дает человеку, почему он иногда привержен ей истово и т. д. Распространенные версии ставят нас в сложное положение: если они и в самом деле прекрасно все объясняют, зачем городить сложные теории? А если (боюсь, это более вероятно) они все-таки далеки от идеала, наша теория должна оказаться по крайней мере не хуже интуитивных догадок, которые она призвана заменить.

Большинство этих догадок опирается на один из следующих постулатов: человеческое сознание жаждет объяснений, человеческое сердце нуждается в утешении, человеческому обществу требуется порядок, человеческий разум склонен к иллюзиям. Давайте разберем их подробнее.

Религия дает объяснение:

- Религия появилась для объяснения непонятных природных явлений.
- Религия объясняет загадочные личные переживания — сны, предвидение и т. п.
- Религия объясняет происхождение всего.
- Религия объясняет существование зла и страданий.

Религия дает утешение:

- Религиозные учения примиряют человека со смертностью.
- Религия снижает тревожность и делает окружающий нас мир более комфортным местом обитания.

Религия обеспечивает общественный порядок:

- Религия сплачивает.
- Религия закрепляет определенный общественный уклад.
- Религия поддерживает нравственность.

Религия — это когнитивная иллюзия:

- Человек суеверен, он поверит во что угодно.
- Религиозные догмы неопровержимы.
- Опровергать сложнее, чем верить.

[15]

Список хоть и не исчерпывающий, но вполне показательный. Рассмотрев подробнее любую из этих версий, мы увидим, что ни одна из них не отвечает на вопрос, откуда религия все-таки берется и почему она такая, какая есть. Тогда к чему они? Нет, я не собираюсь высмеивать тут чужие гипотезы и доказывать, что антропологи и когнитивисты умнее обычных людей. Я привожу эти интуитивные гипотезы, потому что они популярны, потому что именно к ним снова и снова приходят те, кто задумывается о религии, и, самое главное, потому что в них есть рациональное зерно. Каждая из этих наивных догадок указывает на действительно существующее важное явление, которому любая стоящая потраченных на нее усилий теория должна найти объяснение. Кроме того, их рассмотрение позволяет шире взглянуть на то, как возникают в человеческом сознании религиозные представления и убеждения.

НЕОЖИДАННОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Кто сказал, что антропология бесполезна? Да, религия встречается по всему миру, но встречается в самых разных формах.

Очень грубая и вместе с тем распространенная ошибка — объяснять любую религию с точки зрения определенной характеристики, которая на самом деле присуща лишь одной — знакомой нам — разновидности. Антропологи же специализируются на культурных различиях и, как правило, изучают чужую для себя среду, чтобы не угодить в подобную ловушку. Вот уже более 100 лет они документируют радикально отличающиеся друг от друга религиозные представления, верования и обряды. Какая от этого польза? Продемонстрирую на примере. Вспомните, насколько неполной выглядит информация, представленная в географических атласах, где наряду с физическими особенностями местности (Арктика — это сплошной лед, а пустыня Сахара — почти целиком песок и камни) приводятся и данные о верованиях населения. Из этих данных вы узнаете, например, что большинство жителей Олстера — протестанты, а католиков там меньшинство, Италия преимущественно католическая, а Саудовская Аравия — мусульманская. Пока все четко и ясно. Однако с другими странами начинаются сложности. Возьмем, например, Индию или Индонезию. Большая часть населения там исповедует одну из известных мировых религий (индуизм, ислам), однако в обеих странах имеются крупные племенные группы, совершенно далекие от официальных конфессий. Обычно говорят, что они придерживаются анимистических или племенных верований — термины (как подтвердит вам любой антрополог), абсолютно ничего не значащие. За ними скрываются «не попадающие в стандартные категории» — с таким же успехом можно было обозначить эти верования как «иные». А Конго с Анголой? Если верить атласу, большинство населения там христиане — и это так, с той точки зрения, что многие там крещены и ходят в церковь. Однако жители Конго и Анголы повсюду видят колдунов и духов предков и с помощью бесчисленных обрядов пытаются отпугнуть первых и задобрить вторых. В такой же христианской Северной Ирландии ничего подобного не наблюдается. Таким образом, приводи-

мые в атласе сведения о религиозных верованиях не отражают истинного положения дел.

Религиозное разнообразие заключается не только в том, что кто-то называет себя буддистом, а кто-то баптистом. Оно кроется гораздо глубже — в том, как люди представляют сверхъестественные сущности, какие свойства и облик им приписывают, какие моральные нормы и принципы выводят из своей веры, какие обряды совершают и т. д. Вот что удалось установить антропологам:

Сверхъестественные сущности могут быть разными.

Религия подразумевает существование и каузальные свойства ненаблюдаемых сущностей и сил. Это может быть один бог, много разных божеств, духов или предков — или комбинация того и другого. Даже если божество носит статус верховного, это не всегда означает его особую значимость для верующего. В Африке достаточно много племен, у которых по два верховных божества: одно — довольно абстрактная сущность, другое — более приземленное, создавшее когда-то все приметы культуры — орудия труда, домашних животных, селения и общественный уклад. Однако ни то ни другое божество не участвует в повседневной жизни людей, где гораздо более важная роль отводится колдунам, духам и предкам.

Боги могут умирать. Кажется самоочевидным, что боги вечны по определению. Однако многие буддисты считают, что они, как и человеческие существа, не могут вырваться из бесконечного цикла перерождений и умирают, как все остальные, только срок их жизни гораздо дольше, поэтому с незапамятных времен люди молятся одним и тем же богам. При этом человек находится даже в более привилегированном положении: в отличие от богов, он может (хотя бы теоретически) прервать цикл и прекратить страдания, тогда как богу для этого придется сперва переродиться в человека.

[17]

Духи бывают на удивление глупы. Для христианина само собой разумеется, что бога не проведешь, однако на свете существует немало мест, где одурачить сверхчеловеческую сущность не только можно, но и нужно. В Сибири, например, о важных делах стараются говорить иносказательно, потому что злые духи норовят подслушать разговоры и разрушить все планы. То есть духи, при всех своих сверхъестественных способностях, не понимают иносказаний. Они могущественны, но глупы. Во многих уголках Африки правила приличия предписывают при встрече с друзьями или родными вслух сочувствовать им по поводу «уродливых» или «непослушных» детей. Эта наивная уловка призвана обмануть колдунов, которые ищут хороших детей, чтобы «съесть». По тем же причинам в тех же местах детям нередко дают имена, означающие неудачу или позор. Гаитяне, потерявшие кого-то из близких, заботятся среди прочего и о том, чтобы тело усопшего не досталось колдунам. Для этого в могилу иногда кладется игла без ушка и нить — за безуспешными попытками вдеть нитку в иглу колдуны на долгие столетия и думать забудут об усопшем. Человек, с одной стороны, приписывает сверхъестественным сущностям небывалые силы, а с другой — считает, что их легко можно одурачить.

Не всегда конечной целью является спасение. Знакомым с идеями христианства, ислама или буддизма кажется само собой разумеющимся, что смысл религии — в спасении или освобождении души. Они думают, что религии отличаются лишь взглядом на необходимость спасения души и предлагаемыми путями к спасению. На самом же деле в мире существует множество верований, не обещающих ни спасения, ни освобождения души — по сути, вовсе никак не затрагивающих ее судьбу. В этих верованиях судьба души никак не зависит от того, праведную или неправедную жизнь прожил человек. Усопший ста-

новится духом или предком. Так происходит со всеми, никакого высшего суда не требуется.

Официальная религия — это еще не все. Куда ни помотришь, оказывается, что религиозные представления гораздо разнообразнее и многочисленнее, чем допускает «официальная» религия. В Европе немало уголков, где люди верят в ведьм, строящих им козни. Официальный ислам не признает иных богов, кроме Аллаха, однако многие мусульмане боятся джиннов и ифритов — духов, призраков и колдунов. В Соединенных Штатах разнообразия конфессий хватает и в официальной религии — христиане всех мастей, иудеи, индусы и т. д., однако многие всерьез взаимодействуют с инопланетянами или духами. И эти верования тоже нужно учесть и объяснить.

Религия может быть безальтернативной. Для христианина, иудея, мусульманина очевидно, что существует не одна религия и что человек волен выбирать между альтернативными взглядами на сотворение мира, судьбу души и заповедями, которых следует придерживаться. Такое представление диктуется вполне определенными условиями — проживанием в большом государстве с соперничающими церквями и доктринами. Однако и на протяжении истории, и в наши дни многие жили и живут совсем в иных условиях, при которых другой религии, кроме той, которую они исповедуют, попросту не существует. Кроме того, многие религиозные представления тесно связаны с конкретными местами и персоналиями: например, с молитвой предкам или принесением жертв лесу, чтобы лучше ловилась дичь. Их адепты не поняли бы, зачем молиться чужим предкам или благодарить за пищу, которая достанется не тебе. Концепция универсальной религии, которую может (и должен) исповедовать каждый, вовсе не универсальна.

Религия может не осознаваться как религия. У нас имеется словесное обозначение для религии. Удобный со-

[19]

бирательный термин, объединяющий в нашем сознании все представления, действия, правила и предметы, связанные с существованием и особенностями таких сверхъестественных существ, как бог. Но такое обозначение или выраженное представление о том, что религиозная сфера отличается от мирской и повседневной, есть не у всех. Как правило, религия выделяется в особую категорию в сознании людей, живущих там, где соседствуют несколько «религий», но, как я уже упоминал, такое наблюдается далеко не везде. Однако отсутствие особого термина для религии не означает, что ее нет. На свете имеется масса языков, в которых нет слова «синтаксис», однако синтаксис присутствует и в них. Наличие обозначения — не обязательное условие существования явления.

[20]

Бывает религия без веры. Очень многих людей на земле удивило бы заявление, что они «верят» в духов и колдунов или «поклоняются» предкам. На многие языки даже перевести такое утверждение было бы затруднительно. Нам, жителям Запада, сложно представить, насколько специфично само понятие «веры во что-то». Представьте себе, что какой-нибудь марсианин говорит вам: «Надо же, как интересно, вы верите в горы, реки, машины и телефоны». Вы решите, что инопланетянин просто недопонял, ведь мы в эти явления не «верим», мы просто признаем их существование. Вот так же во многих уголках нашей планеты относятся к колдовству и духам: они просто существуют в природе, как деревья и животные (разве что понимать их и обращаться с ними куда сложнее), поэтому, чтобы признавать их существование и действовать соответственно, не требуется никакой особой веры и убеждений. В ходе антропологических экспедиций в Африку я изучал представителей народа фанг, утверждавших, что в селениях и в буше полно злых духов, которые нападают на людей, насылают на них болезни и унич-

тожают посевам. При этом мои знакомые фанги знали, что меня это не особенно заботит и что большинство европейцев на удивление равнодушны к воздействию духов и колдовства. Вот это, по-моему, и есть пример разницы между верой и неверием в духов. Но фанги смотрят на это по-другому. В их представлении духи действительно повсюду, просто на белых их сила почему-то не действует, то ли потому, что белые слеплены богом из другого теста, то ли потому, что у них имеется действенное антиколдовское снадобье. То, что мы называем верой, другие могут считать знанием¹.

[21]

Вывод из всего этого довольно простой. Человек, заявляющий: «Религия — это облеченная в доктрину вера, которая учит, как спасти душу, повинуюсь мудрому и вечному Создателю мира», явно мало путешествовал и недостаточно читал. Поверье, что мертвые возвращаются на землю преследовать живых, существует во многих культурах, но не во всех. Где-то считают, что некоторые особенные люди способны общаться с богом и усопшими, но и это распространено не повсеместно. Где-то верят, что у человека есть душа, живущая и после смерти, однако и это представление не универсально. Выдвигая общие объяснения для религии, хорошо бы для начала удостовериться, что они применимы не только к знакомой нам конфессии.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ГИПОТЕЗЫ. РАЗУМ ТРЕБУЕТ ОБЪЯСНЕНИЙ

Попытки объяснить возникновение религии отслеживают развитие событий: они описывают последовательность происшедшего в человеческом сознании или в обществе, иногда охватывающую огромный исторический период, которая привела к формированию известной нам религии. Однако эти описания могут вводить в заблуждение. В хорошем рассказе одно выте-

кает из другого настолько логично и последовательно, что мы забываем проверить, так ли все было на самом деле. Поэтому с подобным подходом мы можем двигаться в верном направлении, а можем и забуксовать, не зная, что в двух шагах находится более легкий и увлекательный путь. Это недостаток всех обобщенных гипотез происхождения религии, — и сейчас я обозначу важнейшие положения каждой из них, а потом сделаю шаг назад и отправлюсь по другому пути.

[22]

Наиболее знакомая всем версия построена на том, что у человечества имеются некие общие интеллектуальные потребности. Человек хочет понимать наблюдаемые явления и процессы, то есть объяснять их, прогнозировать и, возможно, управлять ими. Эти самые общие и действительно универсальные потребности разума и привели на каком-то этапе культурного развития человечества к возникновению религиозных представлений. Происходило это не обязательно в один момент, внезапным озарением, закрепившимся раз и навсегда. Процесс мог быть долгим, поскольку потребность разобраться наводит человека на все новые и новые мысли, которые становятся объяснениями. Вот некоторые вариации этой версии:

- *Религию придумали, чтобы объяснить непонятные природные явления.* Человек сталкивается с самыми разными феноменами, которые заставляют задуматься о происходящем вокруг. Если в стекло бросить камень, оно разобьется, тут все понятно. Другое дело — грозы, гром, засухи, наводнения. Что вызывает их? Отчего движется солнце по небосклону, что управляет звездами и планетами? В качестве объяснений привлекаются боги и духи. Во многих верованиях планеты и есть боги, а в древнеримской мифологии гром объясняли ударами молота Вулкана по наковальне. В самых распространенных случаях боги и духи приносят дожди и обеспечивают хороший урожай. Их участием объясняют явления, неподвластные обыденному сознанию.

- *Религию придумали, чтобы объяснить непонятные психические явления.* Сны, предчувствия, ощущение, будто усопшие находятся где-то среди нас (и нередко «являются» живым), тоже трудно поддаются бытовой логике, однако вполне коррелируют с понятием «дух». Дух — это бестелесная сущность, обладающая свойствами, очень схожими с присущими тем, кто является в снах и галлюцинациях. Божества и единый бог — дальнейшее развитие этой проекции психических явлений.
- *Религия объясняет происхождение всего существующего.* Всем известно, что растения появляются из семян, животные и люди рождают себе подобных и т. д. Но откуда все это взялось изначально? У всех нас имеются бытовые объяснения происхождения того или иного аспекта окружающего нас мира, но все они лишь «перекладывают ответственность» на другие процессы или действующие силы. Человек пытается добраться до самого первого звена этой цепочки — и на эту роль назначается никем не сотворенный творец вроде бога, или первопредка, или некоего культурного героя.
- *Религия объясняет наличие зла и страданий.* Человеку свойственно искать объяснение своим невзгодам. Почему в принципе существует несчастье и зло? Вот тут и оказываются кстати такие концепции, как судьба, бог, дьявол и предки. Они объясняют, как и почему в мире появилось зло (а иногда предлагают рецепты лучшего мироустройства).

[23]

Чем плохи эти версии? Слабых мест тут несколько. Мы утверждаем, что религиозные понятия рождаются из желания найти удовлетворительное объяснение определенным аспектам общечеловеческого опыта. Антропологи же показали, что а) не всякой культуре свойственна потребность в объяснении этих фактов и б) религиозные объяснения кардинально отличаются от обычных.

Взять хотя бы идею, что человек желает установить общую причину страданий и зла на земле. Она вовсе не так очевидна, как может показаться. Куда ни взгляни, человека больше интересует корень *конкретных* бед и злосчастья. В эти размышления он действительно склонен углубляться, тогда как существование зла как такового заботит его куда реже. Приведу пример, знакомый любому антропологу еще со студенческой скамьи. Британский антрополог Эванс-Притчард известен ставшими классикой этой области науки описаниями верований суданского народа занде. Своей книгой он задал планку для всех антропологов, поскольку не ограничился простым перечислением странных поверий. Он показал на бесчисленных подробностях, насколько эти поверья разумны, если смотреть с той же точки зрения, что и люди, их породившие, и понять, на какие вопросы эти поверья призваны ответить. Например, как-то раз в селекции, где работал Эванс-Притчард, обвалилась крыша одного из саманных домов — сельчане моментально объяснили происшедшее колдовством. Видимо, у людей, находившихся в момент обвала под крышей, имелись могущественные враги, рассудили они. Эванс-Притчард с типично английским благоразумием возразил собеседникам, что ничего сверхъестественного тут нет, стены дома всего-навсего изъедены термитами. Однако сельчан интересовало не это, они прекрасно знали, что термиты точат опоры дома и рано или поздно хлипкие саманные строения рушатся. Сельчане задавались другим вопросом: почему крыша обвалилась именно в этот момент, когда под ней сидел такой-то, а не раньше и не позже. Вот тут-то в качестве объяснения и привлекается колдовство. Но как объяснить существование самого колдовства? Этот вопрос никакого интереса не вызывал, причем это типичная картина для тех мест, где верят в духов и колдунов. Их деятельностью объясняются те или иные конкретные происшествия, однако о причинах существования зла и несчастий как явления никто не задумывается.

Происхождение вещей как таковое волнует умы куда меньше, чем нам представляется. Как отмечает антрополог Роджер

Кизинг, описывая мифы народа квайо с Соломоновых островов: «Изначальное происхождение человека вопросов не вызывает. [Мифы] рисуют мир, где человек устраивает пиры, выращивает свиней и таро и участвует в кровной вражде». Людей заботят случаи, когда им в этих занятиях препятствуют, и чаще всего здесь не обходится без вмешательства предков или колдовства².

Какое же объяснение предлагает религия в этих частных случаях? Как правило, она порождает больше вопросов, чем ответов. Возьмем, например, объяснение, что гром — это грозный голос предков, рассердившихся на людей за какие-то проступки. Чтобы объяснить частное явление окружающей действительности (громкий раскатистый звук во время грозы), приходится предполагать существование целого воображаемого мира со сверхъестественными сущностями (откуда они появляются? где находятся?), которых невозможно увидеть (почему?), обитающих в недостижимом пространстве (а как же тогда до нас доносится звук?) и своими голосами порождающих гром (каким образом? у них так устроены голосовые органы? они гиганты?). Если вы живете там, где распространены эти верования, ответы у вас, надо полагать, найдутся. Однако каждый из них тянет за собой отдельную историю, в которой в большинстве случаев тоже будут фигурировать сверхъестественные сущности и чрезвычайные события, то есть предпосылки к дальнейшим вопросам.

[25]

В качестве еще одной иллюстрации приведу краткое описание шаманского ритуала у панамского народа куна, сделанное антропологом Карло Севери:

«[Шаман] исполняет песнопение перед двумя рядами статуэток, выставленных друг напротив друга рядом с гамаком, где лежит пациент. Эти духи-помощники вдыхают дым, дурманящее воздействие которого раскрывает их сознание навстречу невидимой области мироздания и наделяет целительскими способностями. Таким образом [статуэтки] как будто сами становятся ведунами-целителями»³.

Больной, над которым совершается ритуал, признан сельчанами помешанным, и помешательство его объясняется в религиозной парадигме: его душу похитили и держат в плену злые духи. Шаман — это специалист, способный привлечь духов-помощников, чтобы вызволить захваченную душу и тем самым вернуть больному здоровье. Обратите внимание, как далеко уходит эта парадигма от прямого объяснения отклонений в поведении больного. Да, состояние больного очевидно, однако злые духи, духи-помощники, способность шамана путешествовать по миру духов, эффективность шаманских песнопений в переговорах со злыми духами — все это выступает необходимыми условиями лечения. Дополняет эту и без того фантастическую картину тот факт, что духи — это деревянные статуэтки. Они не только слышат и понимают шамана, но и обречены на время ритуала вещие способности, прозревая скрытое от глаз обычного человека.

Подобное «объяснение» работает иначе, чем привычные нам описания происходящих в действительности событий. В обычном случае объяснения основываются на доступных фактах, которые реорганизируются таким образом, чтобы происходящее представало в более понятном свете. Объяснение не подразумевает потока ничем не связанных между собой мыслей. Смысл объяснения — обеспечить контекст, в котором явление покажется менее загадочным, чем прежде, и будет лучше укладываться в привычную картину мира. Религиозные объяснения зачастую словно преследуют совсем иную цель, только усугубляя загадочность. Как выразился антрополог Дэн Спербер, религия не столько объясняет происходящее, сколько задает нам «релевантные загадки».

В результате появляется знакомый всем антропологам парадокс. Если с помощью религии человек объясняет непонятные явления, получается, он попросту не понимает, что такое «объяснение»? Но это абсурд. Прекрасно понимает, в чем мы имеем множество возможностей убедиться. Привычной стратегией «собрать массив фактов под упрощенным обозначением»

нием» человек пользуется постоянно. Так что с помощью религиозных концепций он не столько объясняет окружающий мир, сколько... Вот тут нам и придется сделать шаг назад и рассмотреть в более общих чертах, в чем релевантность загадок⁴.

СОЗНАНИЕ КАК СОВОКУПНОСТЬ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ

Действительно ли работу человеческой мысли подстегивает общая жажда постичь окружающий мир? Иммануил Кант открывает свою «Критику чистого разума» — исследование познавательных возможностей в отрыве от знаний, получаемых опытным путем, — утверждением, что человеческий разум испокон веков будоражат вопросы, на которые он не может ответить, но которые не может и игнорировать. Затем тема религии как объяснения получила развитие в антропологическом течении под названием интеллектуализм, основанном Эдуардом Бернеттом Тайлором и Джеймсом Фрэзером в XIX в., но не утратившем авторитетности и по сей день. Основная идея интеллектуализма заключается в следующем: если некое явление универсально для человеческого опыта, но постичь его эмпирически не представляется возможным, человек попытается найти умозрительное объяснение⁵.

[27]

Между тем в такой грубой и обобщенной формулировке утверждение это попросту неверно. Многие явления знакомы всем нам с детства и сложно поддаются пониманию на бытовом уровне, однако никто не пытается искать им объяснение. Например, все мы знаем, что нашими телодвижениями управляет не какая-то внешняя сила, дергающая нас за ниточки, а наши собственные побуждения. То есть, если я протягиваю руку и раскрываю ладонь, чтобы обменяться рукопожатием, это исключительно мое собственное намерение. Кроме того, мы все сходимся в том, что наши мысли не имеют массы, размера и прочих материальных характеристик (идея яблока не соразмерна яблоку, идея воды не течет, идея скалы

не тверже идеи масла). Намерение поднять руку (вернемся к классическому примеру) не обладает ни весом, ни плотностью. Однако оно движет частями моего тела. Как так получается? Как нечто бесплотное может воздействовать на материальный мир? Или, переформулируя в менее метафизическом ключе, как слова и образы в сознании движут моими мышцами? Для философов и когнитивистов это серьезный вопрос, однако, как ни парадоксально, остальных он не особенно занимает. Куда ни подайся, везде обнаруживается: человеку вполне достаточно самого знания, что мысли и желания правят движениями нашего тела. (Я беседовал на эту тему и в английских пабах, и в камерунских селениях фанг и могу с уверенностью сказать, что ни там ни там люди не видят ничего загадочного в том, что тело управляется сознанием. И неудивительно. Чтобы найти в этом вопросе что-то интересное или интригующее, нужна основательная подготовка.)

[28]

Ошибка интеллектуализма заключалась в предположении, будто человеческим разумом движет *общая* жажда объяснений. Отправная точка не менее зыбка, чем идея, будто животные, в отличие от растений, ощущают общую «потребность в перемещении». Животные меняют дислокацию вовсе не из охоты к перемене мест, а в поиске пищи, укрытия или возможности спаривания, и управляют их передвижениями в этих непохожих случаях несхожие между собой процессы. То же относится и к объяснениям. На первый взгляд может показаться, что основной смысл разума — объяснять и понимать. Однако, если рассмотреть проблему внимательнее, станет ясно, что происходящее в сознании куда сложнее, и это один из ключевых моментов для понимания религии.

Наш разум не объяснительная машина. Это, скорее, совокупность разных специализированных объяснительных устройств. Задумайтесь: практически все, что возникает перед нашими глазами, мы видим трехмерным, поскольку мозг попросту не может не переводить проецируемое на сетчатку плоское изображение в объемное. Если вы росли в англоязыч-

ной среде, вы попросту не можете не понимать английскую речь, то есть переводить сложные звуковые рисунки в связанные фразы. Человек автоматически объясняет свойства конкретного животного принадлежностью к определенному виду: тигр — агрессивный хищник, а як — тихое травоядное, такова их природа. Мы автоматически подразумеваем, что форма того или иного инструмента задана выполняемыми им функциями, а не случайным сочетанием составляющих: у молотка крепкая рукоятка и тяжелая головка, чтобы легче было забивать гвозди в твердую поверхность. Мы, как выясняется, не можем наблюдать за полетом теннисного мяча, не объясняя автоматически его траекторию результатом приложенной к нему силы. Увидев, что человек внезапно меняется в лице, мы сразу начинаем гадать, что могло его расстроить или удивить, ища объяснения замеченной перемене. Если у нас на глазах животное застывает на месте, а потом резко отскакивает, мы объясняем это тем, что где-то рядом притаился хищник. А заметив, что комнатные растения вянут и сохнут, подозреваем, что соседи не сдержали обещание и не поливают их. Такие спонтанные объяснения наше сознание рождает постоянно.

[29]

Обратите внимание, что все эти объяснительные процессы, скажем так, «избирательны». Разум не пытается объяснить все подряд и не строит объяснения на любых подвернувшихся данных. У нас не возникает стремления понять эмоции теннисного мяча. Мы не предполагаем автоматически, что комнатные цветы засохли от огорчения, а животное отпрыгнуло из-за сильного порыва ветра. Механические явления мы объясняем физическими причинами, рост и распад — биологическими, а эмоции и поведение — психологическими.

Так что нет, не нужно представлять себе сознание как общий механизм с функцией «рассмотрим факты и подберем объяснение». Это совокупность специализированных объяснительных систем — точнее, систем логического вывода, каждая из которых настроена на определенную категорию явлений и событий и автоматически предлагает им объяснение. Истолковывая

для себя то или иное наблюдение («стекло разбилось, потому что в него влетел теннисный мяч», «миссис Джонс сердится, потому что дети разбили ей окно»), мы приводим в действие одну из этих систем, сами того не замечая, поскольку работают они очень гладко. В развернутом виде любая из логических цепочек изобилует утомительными подробностями: «Миссис Джонс сердится, ее злость вызвана неприятными для нее действиями других людей и направлена на этих людей, миссис Джонс знает, что дети играли около ее дома, и она подозревает, что детям было известно о способности мяча разбить стекло, и т. п.». Наша психика проделывает все эти скучные логические шаги автоматически, предъявляя для осмысления лишь конечный результат.

[30]

Принимая всерьез и анализируя гипотезу «религии как объяснения», мы получаем возможность посмотреть свежим взглядом, как функционируют в человеческом сознании религиозные представления. При всей необычности религиозных понятий они тоже задействуют описанные выше системы логического вывода. На место миссис Джонс и теннисного мяча вполне можно подставить предков и колдовство. Если вернуться к приведенному у Эванса-Притчарда случаю с обвалившейся крышей, обратите внимание, насколько очевидными — настолько, что их не удостоили отдельного упоминания ни сам антрополог, ни его собеседники, — были некоторые аспекты происшедшего. В частности, тот факт, что колдуны, если это действительно было их рук дело, имели какие-то основания обрушить крышу; что ими двигала жажда мести или корыстные интересы; что они были сердиты на сидевших под крышей; что удар был направлен именно на этих людей, а не на других; что колдуны видели, кто находится под крышей; что они нанесут еще удар, если результаты первого их не удовлетворят и изначальные причины еще актуальны и т. д. Все это не требуется проговаривать — об этом никто даже не задумывается целенаправленно, — поскольку все это само собой разумеется.